

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ ПОЛИТИПАЖАМИ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ книжныхъ магазинахъ: Гг. Базунова, Свѣш-
никова, Щепкина, Лоскутова, Улитина, Салаева,
Глазунова и въ Конторѣ типографіи Каткова
и Коми.

1859.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. с. въ годъ.
Съ доставкою. 4 " "
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 " "
Съ пересылкою въ города. . . 5 " "

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

СОДЕРЖАНИЕ: Неспорье. Стих. А. Козлова. — Маска. Повѣсть Лидіи Долинской (окончаніе). — Анекдотъ. — Городская хроника Раз-
влеченія. Не Я. — Мелочи. — Рисунки: И. О. Шестакова и К. И. Исакова.

НЕСПОРЬЕ.

Тяжела невзгода
На меня напала;
Все, что звалъ я счастьемъ,
Все давно пропало!
Горе загубило
Жизнь ни за копѣйку!
Плачешься невольно
На судьбу-злodeйку.
Чѣмъ я прочихъ хуже?
Чѣмъ я не дѣтина? —
А ни въ чемъ нѣтъ счастья!..
Что тому причина?
Рожь ли я посяю, —
Загляну къ другому:
Онъ собираетъ зерна,
Я собралъ — солому!
Стану удить рыбу —
И сосѣдъ со мною:
Онъ пойдетъ съ сѣгами,
Я пойду — съ плотвою.
Съ горя въ торгъ пушуся,
Кончу, счетъ раскину, —
Кто взялъ рубль за гривну,
Я — за рубль полтину!

Что-жь это за доля
Мнѣ въ житейскомъ морь?
Что ни шагъ — невзгода!
Что ни день — то горе!

А. Козловъ.

МАСКА.

повѣсть.

(Окончаніе).

Настала зима, и Полѣвскіе явились въ Москву. Для Викторіи настала новая жизнь: она не присутствовала на обѣдахъ и балахъ, которые давала княгиня, — говорили, что это будетъ развлекать ее и она не захочетъ учиться. Молча повиновалась сиротка, безъ ропота, безъ возраженій. Съ княжной она рѣдко видѣлась, та занята была нарядами, выѣздами, свѣтомъ. Въ дни, когда у княгини никого не было, Викторіи позволялось приходить въ кабинетъ къ Вѣрѣ Михайловнѣ съ книгой или работой, — но какъ только приближался часъ приема гостей, или раздавался звукъ колокольчика, княгиня говорила ей: Vous pouvez aller, ma fille! и въ голосъ ея слышалось приказаніе. Викторія подходила къ

ея рукъ и съ печальнымъ: *bonne nuit, maman!* отправлялась въ свою комнату. Тамъ-то бѣдная сиротка давала волю слезамъ: зачѣмъ онѣ запираютъ меня! что я имъ сдѣлала? съ отчаяніемъ произносила дѣвочка. Она давно уже перестала быть ребенкомъ—старая гувернантка, да книги (ея почти единственное общество) рано развили въ ней способность сильно чувствовать и разсуждать. Тяжело на душѣ становилось у ней, когда долетали до ея слуха звуки музыки и веселый говоръ пирующихъ. Живо припоминала она въ эти минуты свою любящую мать: всѣ подробности ея смерти были у ней передъ глазами. Матушка, матушка! вскрикивала она въ отчаяніи, о сжался, приди за мною, зачѣмъ мнѣ жить? я не хочу чтобъ меня запирали, умоляла она. О, ты не заперла бы свое дитя въ душную комнату, когда всѣ вокругъ веселятся; ты не сказала бы ледянымъ голосомъ: *vous pouvez aller, ma fille.* Нѣтъ! съ любовью, съ ласкою ты прижала бы меня къ сердцу; ты сама выбрала бы мнѣ лучший нарядъ и пустила бы меня туда! и она судорожно указывала въ направленіи къ залѣ. Но тебя нѣтъ! меня изъ милости держать чужіе люди: я сыта, одѣта, меня учатъ... я должна благодарить свою благодѣтельницу... о! лучше бы умереть! и потомъ какъ бы испугавшись своихъ словъ—она падала на колѣни передъ образомъ Богоматери, которымъ благословила ее умирающая—и горяча была молитва дѣвочки, мало-по-малу рыданія ея утихали—кротко глядѣлъ на нее съ образа ликъ Заступницы и Божественнаго младенца, и легче становилось бѣдняжкѣ, утѣшенная ложилась она въ постель и крѣпко закутывалась съ головой въ одѣяло, чтобъ не слышать звуковъ музыки.

Между тѣмъ Ларинъ, видя перемѣну въ Адели, а слѣдовательно и въ княгинѣ, пересталъ бывать у нихъ. Юлія вышла изъ института и поселилась въ Петербургъ у родственницъ своего отца. Княгиня писала было, чтобъ она переѣзжала къ ней, но Юлія никогда не чувствовала влеченія къ княгинѣ, и зная отъ брата, каково было у ней Викторіи, отвѣчала очень вѣжливымъ письмомъ, что не хочетъ огорчать старуху тетку, которая проситъ ее остаться. Мѣсяца чрезъ два Юлія пріѣхала въ Москву уже съ мужемъ. У тетки увидалъ ее Антонъ Ивановичъ, она поправилась ему и онъ женился на ней.

Сначала она часто бывала у Полѣвскихъ, но, замѣтивъ холодный пріемъ, стала ѣздить рѣже и наконецъ являлась только съ церемонными визитами. Княгиня давно уже сердилась на Юлію за то, что она не согласилась оставить старую тетку и переѣхать къ ней, увидѣвъ же, что она постоянно противорѣчитъ Адели, Полѣвская еще болѣе разсердилась на Вольскую и потому-то принимала ее холодно.

Юлія Сергѣевна очень удивилась, не вида никогда Викторіи на званыхъ вечерахъ у княгини, она даже спрашивала объ этомъ Вѣру Михайловну, но та отвѣчала, что Викторія слишкомъ молода еще, что воспитаніе ея не кончено и развлеченія помѣшаютъ ея занятіямъ. Это разсердило Вольскую она хотѣла спорить и доказать княгинѣ, что затворничество, въ которомъ она держала свою воспитанницу, походило на неволю—но Викторія, узнавъ объ этомъ, просила ее не дѣлать сценъ, говоря, что это только болѣе раздражитъ княгиню.

Между тѣмъ Вольская очень привязалась къ своей Кузинѣ; ей жаль было, что такъ во зло употребляли этотъ кроткій любящій характеръ,—она рѣшилась просить Полѣвскую отпустить Викторію къ ней жить.

Княгиня отказала: мысль, что Викторію будутъ вывозить, что объ ея красотѣ будетъ говорить вся Москва, сильно тревожила ее. Я поклялась ея матери воспитать ее, какъ дочь, возразила она на просьбу Юліи.

Съ трудомъ выпросила Вольская отпустить къ ней Викторію по временамъ на нѣсколько дней.

ГЛАВА VII

У Адели было много жениховъ, но ни одинъ не нравился разборчивой невѣстѣ. За годъ до начала нашего разсказа познакомился съ княгиней Графъ Александръ Окольскій. Онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на княжну, и она полюбила его со всею страстью перваго, неиспытаннаго чувства. Графу то же нравилась Адель, онъ даже не прочь бы и жениться, тѣмъ болѣе что партія была выгодная,—но будучи слишкомъ остороженъ, онъ хотѣлъ, чтобы княжна полюбила его до безумія, тогда, думалъ онъ, изъ нея можно будетъ сдѣлать, что мнѣ вздумается и не будетъ она мучить меня своими капризами. И потому то, бывая часто у Полѣвскихъ, графъ все еще медлил предложеніемъ.

Между тѣмъ Викторія, будучи большею частію въ уединеніи, пристрастилась къ романамъ, которые брала потихоньку изъ библіотеки княгини. Много они имѣли вліянія на живой, воспріимчивый характеръ дѣвочки.

Въ четырнадцать лѣтъ она уже мечтала; сердце ея просило любви,—но кого любить? она не видала почти ни одного мужчины. Сначала образъ Ларина не давалъ ей покоя, но послѣ воображеніе создало ей идеаль, и съ нимъ-то она бесѣдовала по цѣлымъ часамъ.

Часто, когда у княгини былъ балъ и звуки музыки долетали до слуха отшельницы, милое видѣніе являлось передъ нею; и сама она не могла опредѣлить его, но уже любила страстно.—Милый голосъ шепталъ ей незнакомыя еще слова любви, и замирало сердце бѣд-

ной дѣвочки и уста съ жаромъ прижимались къ подушкѣ, жажда горячаго поцѣлуя!

Викторіи минуло 16 лѣтъ и милый идеаль все не покидалъ еще ея. Однажды она сидѣла съ работой въ кабинетѣ княгини. Адель была особенно мила въ этотъ вечеръ: въ ея прическѣ, туалетѣ и даже позѣ видно было какое-то стараніе, изысканность. Отъ глазъ Викторіи не укрылось это, она дала себѣ слово разгадать загадку.—Пробило 8 часовъ и княгиня по обыкновенію сказала ей: *Vous pouvez aller, ma fille!*—Молча повиновалась ей Викторія, тотчасъ же встала она, простилась и вышла. Но не въ свою келью пошла она, а притаилась за драпри и оттуда, невидимая, могла наблюдать. Скоро стали съѣзжаться гости; княгиня принимала въ кабинетѣ. Между прочими вошелъ графъ Окольскій. Викторія не могла дать себѣ отчета, отчего при видѣ его, сердце ея какъ-то странно болѣзненно сжалось. Она хотѣла уйти, но непонятная сила приковала ее къ мѣсту. Отсюда она слышала весь разговоръ Окольскаго съ Аделью, и хотя разговоръ этотъ былъ очень обыкновененъ, — Викторіи показалось, что они любятъ другъ друга и при этомъ заключеніи ей стало такъ неловко, такъ тяжело, а когда графъ, при прощаніи, взялъ Адель за руку, съ пѣжностью поглядѣлъ ей въ глаза и удержалъ маленькую ручку долѣе, чѣмъ слѣдовало, — въ эту минуту Викторія ненавидѣла княжну. Съ отчаяніемъ убѣжала она въ свою комнату и долго плакала. Но мысль, что мать Адели была ея благодѣтельницей, помирила бѣдняжку съ соперницей. Напрасно старалась она не думать о графѣ и вызвать свой прежній идеаль: — воображеніе было упрямо на этотъ разъ и образъ Окольскаго живо представлялся ей; ни одно движеніе, ни одинъ взглядъ его не укрывались отъ нея. Долго боролась она съ упрямою мечтою, наконецъ убѣдилась, что идеаль, созданный ею нѣсколько лѣтъ тому назадъ — былъ графъ.

Долго Викторія любила Окольскаго, и никто не зналъ объ этомъ; наконецъ она рѣшилась вѣрить свою тайну Юліи Сергѣевнѣ. Та, побрапивъ подругу за скрытность, не старалась однако же заглушить эту страсть, а развивала ее еще болѣе.

Вольская не знакома была съ графомъ, но много слышала объ его успѣхахъ въ свѣтѣ. Ей было весело думать, что у ея милой Викторіи будетъ такой славный мужъ; а она твердо была увѣрена, что стоитъ только графу увидать Викторію, чтобы полюбить ее и сдѣлаться ея мужемъ. Но какъ устроить ихъ встрѣчу? — вотъ задача.

Впрочемъ, не сказавъ ни слова подругѣ, Юлія Сергѣевна составила планъ и по немпогу начала приводить его въ исполненіе.

Однажды она послала къ княгинѣ записку, съ просьбою отпустить къ ней Викторію на двѣ недѣли.

Княгинѣ не хотѣлось согласиться, но, взглянувъ на блѣдное лице воспитанницы, на ея кроткіе, но грустные глаза, и сознавая, что сама была причиною ея грусти, — она наконецъ рѣшилась.

Надобно было видѣть радость молодой дѣвушки, когда пріѣхала она къ Вольскимъ: какъ дитя, прыгала она, смѣялась и плакала въ одно и тоже время. Пепсіонерка, пріѣзжая на ваканцію, радуется менѣе, чѣмъ эта бѣдная птичка, вырвавшаяся на волю изъ своей золотой клѣтки. На другой день Юлія повезла ее въ маскарадъ, хотя Викторія и отговаривалась сначала педумнѣемъ интриговать. Здѣсь-то случайно встрѣтилъ ее Окольскій, какъ мы уже видѣли въ началѣ разсказа. Юлія Сергѣевна втайнѣ радовалась: планъ ея удавался. Въ слѣдующій вторникъ Викторія сама уже просила ее ѣхать въ маскарадъ. Отправившись же на балъ, Вольская вполне рассчитывала на успѣхъ—и не ошиблась.

Г Л А В А VIII.

На другой день послѣ бала Адель вошла въ кабинетъ матери, блѣдная, съ заплаканными глазами. Бѣдная княгиня, взглянувъ на нее, сильно встревожилась: что съ тобою, дитя мое? Сказала она, цѣлуя дочь.

Вмѣсто отвѣта Адель зарыдала, спрятавъ головку на груди матери. Онъ любитъ Викторію, твердила она съ отчаяніемъ. Княгиня старалась ее утѣшить.

Но на всѣ ласки матери, она отвѣчала рыданіями и повторяла только: — Онъ не любитъ меня!

— Но почему же ты думаешь, что графъ любитъ Викторію, онъ видѣлъ ее только одинъ разъ.

— А развѣ не замѣтила я, какъ смотрѣлъ онъ на нее, танцуя со мною, развѣ не видѣла, съ какимъ жаромъ разговаривалъ онъ послѣ съ нею, а я не удостоена была ни одного слова, говорила княжна, ломая руки.

— Графъ прекрасный человекъ, отвѣчала княгиня, но онъ немного вѣтренъ и, увидавъ новое лицо, сгоряча занялся ею; повѣрь, что скоро позабудетъ ее, вѣдь они уже не увидятся болѣе.

— Напротивъ, я увѣрена, что онъ будетъ искать случая встрѣтить ее и если имъ не удастся увидѣться у насъ, то онъ попроситъ Ларина познакомить его съ Вольскими.

Это предположеніе повидимому сильно испугало княгиню, помолчавъ нѣсколько, она вдругъ сказала: — Но я могу продержатъ Викторію нѣсколько времени дома, и между тѣмъ найду ей жениха.

— Княжна улыбнулась, поцѣловала руку у матери, но черезъ минуту снова задумалась:—черныя брови ея нахмурились, на глазахъ показались слезы, щеки вспыхнули яркимъ румянцемъ. — Конечно, сказала она съ негодованіемъ, если вы захотите, то заставьте ее выдти замужъ, она послушается потому, что привыкла повиноваться вамъ; но что если бѣдняжка любитъ графа! Что если она будетъ несчастлива съ другимъ! Какой отвѣтъ дадите вы ей матери? Развѣ позабыли вы клятвы у постели умирающей подруги, помните ли вы, что обѣщали заступитъ Викторіи мать? Если вы забыли все это, то вѣрно Людмила Петровна хорошо помнить все, какова-то будетъ встрѣча ваша за предѣлами гроба.

Княжна говорила съ жаромъ: щеки ея пылали негодованіемъ, глаза лихорадочно блестя. Рѣчь Адели произвела сильное впечатлѣніе на княгиню, но, оправившись, она сказала:—я помню обѣщанія, данныя Людмилѣ и, видитъ Богъ, люблю дочь ея. Что же касается до ея счастья, то я думаю и о немъ и не отдамъ ее за кого-нибудь, но выберу хорошаго человѣка, съ именемъ и состояніемъ.

— Имя и состояніе не дѣлаютъ счастливыми и если она любить графа . . .

— За это я могу ручаться, перебила Вѣра Михайловна, какъ могла она полюбить его, увидавъ одинъ разъ? если онъ и поправился ей, что очень можетъ быть, то это скоро пройдетъ: они не увидятся болѣе; у ней будетъ женихъ, который ее полюбитъ, и повѣрь, что новость положенія, приготовленія къ свадьбѣ, богатые подарки, займутъ дѣвочку,—она еще почти дитя.

Долго еще говорила княгиня съ Аделью и наконецъ успѣла уговорить и утѣшить ее. Княжна вышла изъ кабинета съ болѣе спокойнымъ лицомъ.

Оставшись одна княгиня сидѣла нѣсколько времени въ раздумьи, потомъ подошла къ бюро, паскоро написала какую-то записку и, позвонивъ, велѣла отнести ее по адресу.

Между тѣмъ Викторія пріѣхала отъ Вольскихъ. Не безъ боязни вошла она къ княгинѣ, но къ удивленію не встрѣтила и тѣни вчерашней холодности, напротивъ, Вѣра Михайловна была съ нею очень ласкова: пожуривъ только слегка, говорила о своемъ огорченіи, что другой, а не ей ввѣреть былъ первый выѣздъ Викторіи, потомъ потрепавъ ее по щекѣ, прибавила: одѣнься къ обѣду получше, у насъ будетъ кто-то, и слова эти сопровождалась хитрой улыбкой.

Бѣдняжка вся вспыхнула, ей представилось, что княгиня намекаетъ на Окольскаго. Веселая выбѣжала она отъ княгини и начала одѣваться. Почти всѣ платья переобрѣла она и не рѣшалась, которое надѣть. Горнич-

ная, не привыкшая къ этому, съ изумленіемъ смотрѣла на свою барышню.

— Какъ ты думаешь, Дуняша, какое лучше надѣть? и она показывала на два платья.

Дуняша выбрала розовое. Викторія задумалась.

— Нѣтъ! сказала она потомъ, надѣну лучше синее, а то ужъ слишкомъ нарядно;— не хочу, чтобы онъ думалъ, будто я одѣваюсь для него, прибавила она мысленно.

Но вотъ туалетъ оконченъ. Викторія чудно хороша, лицо ея сіяетъ такимъ счастіемъ, она любитъ и надѣется. И вотъ идетъ она въ залу, тамъ встрѣчаетъ ее Адель.

— Какая ты хорошенькая, говоритъ та, цѣлуя Викторію, позабывъ прошедшее и простивъ княжнѣ мнимую любовь графа, и съ жаромъ обняла ее. Онѣ были такъ счастливы: одна, надѣясь увидѣться съ любимымъ человѣкомъ,—другая, думая скоро избавиться отъ опасной соперницы.

Скоро молодыхъ дѣвушекъ позвали обѣдать.

Съ замирающимъ сердцемъ входитъ Викторія въ столовую: глаза ея ищутъ кого-то, но передъ нею стоитъ человѣкъ лѣтъ 48, довольно полный, съ лысиной, въ полковничьемъ мундирѣ. Бѣдная Викторія! думаешь ли ты, что этого-то толстаго господина съ глупыми глазами, пазначають въ женихи тебѣ? Веселенькое за минуту личико дѣвушки, опечалилось. Въ продолженіе обѣда полковникъ нѣсколько разъ заговаривалъ съ нею и замѣтно заинтересовался ею. Послѣ обѣда полковникъ пошелъ съ княгинею въ кабинетъ, а Викторія грустная, чуть не въ слезахъ, отправилась въ свою комнату; она раздѣлась и легла въ постель, приказавъ горничной, если будутъ спрашивать, сказать, что она не совсѣмъ здорова.

— Кто эта молодая дѣвушка? спрашивалъ княгиню полковникъ.

— Эта моя воспитанница, князь.

— Страшно! я не зналъ, что у васъ есть воспитанница.

— Она такъ робка,—когда у насъ гости, почти никогда не выходитъ изъ своей комнаты.

— Но какъ хороша! съ восторгомъ произнесъ князь.

— А какой чудный у ней характеръ, продолжала Вѣра Михайловна:—я люблю ее, какъ дочь.

Потомъ начался разговоръ по поводу имѣнія, которое княгиня будто бы хотѣла купить у князя; но онъ снова заговаривалъ о Викторіи, входилъ во всѣ подробности ея жизни, и княгиня торжествовала.

Князь Неволинъ отправился домой съ мыслию о хорошенькой Викторіи; давно уже мечталъ онъ о супружескомъ счастіи, о женитьбѣ по любви, и вотъ случай представлялся. Отъ чего же мнѣ и не посвататься? ду-

малъ онъ, хорошо было бы имѣть женою такую красавицу: вотъ бы стали всѣ завидовать-то. И онъ уже рисовалъ въ воображеніи семейныя картины, и позабылъ, что Викторіи торъко 17 лѣтъ, а у него уже показывается сѣдина, да притомъ же голова украшена хотя, правда, и величественною, но все же лысиной.

На другой день князь снова явился къ Полѣвскимъ и засталъ Викторію въ кабинетѣ у княгини. Онъ смотрѣлъ на нее такъ нѣжно, улыбался такъ сладко, что бѣдняжкѣ стало и не ловко, и досадно, и она ушла въ свою комнату. Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ и Окольскій, онъ былъ не въ духѣ, почти не говорилъ съ княжною, и, коснувшись бала, спросилъ вгругъ: А гдѣ же ваша прекрасная воспитанница, княгиня? она произвела такой фурроръ.

Княгиня смѣшалась. Графъ замѣтилъ это.

— Она нездорова послѣ бала, отвѣчала ему княжна; но Окольскій посмотрѣлъ на нее такимъ испытующимъ взглядомъ, что бѣдняжка вся вспыхнула.

Визитъ графа былъ коротокъ, онъ отговорился службою, дѣлами и скоро уѣхалъ домой, совершенно разсерженный и разстроенный.

Черезъ нѣсколько минутъ уѣхалъ и князь Неволитъ, но въ противоположномъ расположеніи духа.

ГЛАВА IX.

Окольскій бывалъ почти каждый день у Полѣвскихъ, но княгиня всегда находила случай не давать ему видѣться съ Викторіей. Графа это ужасно сердило: онъ былъ совершенно влюбленъ. Наконецъ Ларинъ познакомилъ его съ Вольскими; но и тамъ не встрѣтилъ онъ Викторіи, потому что княгиня не отпускала ее къ Юліи.

Князь тоже очень часто посѣщалъ Полѣвскихъ и былъ счастливѣе Окольскаго: ему всегда удавалось видѣться съ Викторіей и даже говорить съ нею. Бѣдняжка догадывалась, что не къ добру страстные взгляды стараго полковника — предчувствіе ея сбылось.

Въ одно утро княгиня, оставшись съ нею вдвоемъ, напомнила, что ей уже 17 лѣтъ, слѣдовательно пора подумать о замужствѣ.

— Я становлюсь стара, говорила она, что будешь дѣлать ты, когда я умру. Безъ сомнѣнія, я не оставляю тебя безъ куска хлѣба, но то, что я могу дать тебѣ, такъ незначительно, что тебѣ придется, можетъ быть, идти въ гувернантки. А ты, бѣдняжка, не имѣешь еще понятія объ этой жизни. И княгиня принялась краснорѣчиво описывать незавидное существованіе гувернантокъ. Я чувствую, прибавила она, что не много остается мнѣ жить потому-то и думаю о судьбѣ Адели, такъ

же, какъ и о твоей. Впрочемъ на счетъ дочери я покойна: графъ Окольскій сдѣлаетъ ее счастливою, а о тебѣ нужно серьезно подумать.

Княгиня употребила хитрость, разчитывая на успѣхъ, и въ самомъ дѣлѣ мысль, что Окольскій сдѣлалъ предложеніе княжнѣ, какъ громомъ поразила Викторію. Вся кровь прилила ей къ сердцу, она вспомнила клятвы графа, — и много нужно было твердости бѣдной дѣвушкѣ, чтобы остаться повидимому спокойной. Она молча продолжала слушать княгиню.

— Хорошая партія представилась и тебѣ, продолжала та:— князь Неволитъ проситъ руки твоей. Онъ прекрасный человѣкъ, имѣетъ отличное состояніе, женился на тебѣ по любви, — такого жениха упускать не должно. Правда, онъ не въ первой молодости, но тѣмъ лучше, больше будетъ любить, подумай хорошенько.

Викторія давно ожидала этого и не могла безъ отвращенія подумать о полковникѣ; но узнавъ, что Окольскій женится на Адели, она перемѣнила намѣреніе.

— Позвольте мнѣ подумать немного, сказала она почти умоляющимъ голосомъ.

Княгиня ласково поцѣловала ее въ голову: завтра утромъ ты скажешь мнѣ свое рѣшеніе. Я не принуждаю тебя выходить за князя, но совѣтовала бы.

Въ отчаяніи, взволнованная, пришла бѣдняжка въ свою комнату. Много плакала она: первую ея мыслью было лишиться себя жизни; но случайно взглядъ ея остановился на портретѣ матери, влѣвъшемъ надъ ея кроватью. Съ кротостью смотрѣли голубые глаза ея, въ нихъ было столько грусти, столько затаенныхъ страданій. Викторія унала на колѣни передъ портретомъ.

«Матушка, бѣдная матушка! говорила она, рыдая, прости мнѣ эту преступную мысль, — нѣтъ я буду жить, буду страдать, вѣдь ты тоже много страдала, но не лишила себя жизни, твоя вѣра была тверже. О, Боже мой! Боже мой! но что же они со мной дѣлаютъ? за кого хотятъ отдать меня? А онъ, мой Александръ! и онъ тоже обманулъ меня, такъ это была лишь маскарадная интрига! можно ли вѣрить послѣ этого людямъ, — какъ они злы! Что я имъ сдѣлала? Матушка, матушка! зачѣмъ не умерла я съ тобою? Ты видишь, какъ я несчастна, о приди, возьми меня изъ этого міра... ты, бѣдная, видишь, что дѣлаютъ съ твоей милой Викторіей, ты видишь, какъ страдаетъ бѣдное дитя твое — и не въ состояніи ничего сдѣлать! Ты не отдала бы меня противъ воли! Ахъ, еслибъ я могла умереть!»

И бѣдняжка унала на полъ передъ образомъ и долго, долго молилась. Слабая, разбитая, встала она съ колѣни, но твердая рѣшимость написана была на лицѣ ея. Да!—я выйду за него, говорила она, я не пойду въ гувернантки; говорятъ, что съ хорошенькимъ лицомъ

опасно жить въ чужомъ домѣ. Хоть бы оспа обезобразила меня, прибавила она съ отчаяніемъ, но потомъ сказала гораздо тверже: нѣтъ! выйду за князя, чтобы графъ не думалъ, что я люблю его, — я совершенно къ нему равнодушна! и она инстинктивно приложила руку къ сердцу, какъ бы желая останоить его біеніе.

На другой день она объявила княгинѣ свое согласіе. Вѣра Михайловна была къ ней необыкновенно ласкова. Княжна также повеселѣла и поздравляла подругу.

Неволинъ былъ въ восторгѣ: онъ перебѣгалъ отъ невѣсты къ княгинѣ, потомъ къ Адели и опять къ невѣстѣ и цѣловалъ у всѣхъ ручки. Въ тотъ же день, вечеромъ, судьба Викторіи была рѣшена: ее благословили. Окольскій пріѣхалъ часовъ въ 10. Нужно было видѣть его радость, когда онъ нашелъ Викторію въ кабинетѣ. Бѣдный графъ и не подозрѣвалъ, что счастье было такъ близко и не далось ему въ руки. Княгиня поспѣшила объявить ему свою радость, какъ она выражалась.

— Какъ, вскричалъ онъ въ изумленіи и готовъ былъ надѣлать тысячу глупостей; къ счастью присутствіе духа скоро вернулось къ нему. Онъ подошелъ поздравить невѣсту и посмотрѣлъ на нее съ такой грустью, съ такимъ упрекомъ. Викторія была бѣла, какъ алебастръ, глаза ея опухли отъ слезъ; но она силилась казаться веселою, гордо посмотрѣла на Окольскаго и сухо поблагодарила его.

Интригантка! подумалъ онъ, отходя отъ невѣсты, и въ эту минуту онъ отъ души ненавидѣлъ Викторію. Чтобы отомстить ей, онъ вздумалъ снова ухаживать за Аделью. Но странное что-то было въ обращеніи его съ княжною; иногда, взявъ ее тихонько за руку, чтобы пожать, онъ почти давилъ ее. Но счастливая, любящая Адель не замѣчала ничего. Она видѣла только, что графъ снова любитъ ее, что онъ почти у ея ногъ, — и она не знала, какъ благодарить Бога за свое счастье. Сначала мысль, что Викторія несчастна, тревожила княжну, но та съ такимъ стараніемъ скрывала свое горе, что Адель ошиблась, и снова вполне предалась любви своей. Графъ уѣхалъ отъ Полѣвскихъ съ твердымъ намѣреніемъ позабыть кокетку Викторію, но препятствія еще болѣе разожгли страсть его.

Черезъ три дня назначена была свадьба.

ГЛАВА X.

Юлія Сергѣевна, узнавъ о помолвкѣ Викторіи, тотчасъ же отправилась къ Полѣвскимъ. Княгиня, увидавъ Вольскую, была необыкновенно любезна съ ней и объявила ей о своемъ счастьи.

— Но составить ли онъ счастье Викторіи? запальчиво сказала Вольская.

— О, я надѣюсь, отвѣчала Полѣвская, вѣдь онъ такъ ее любитъ.

— Да она-то его не любитъ.

— Если бы не любила, такъ и не пошла бы за него, вѣдь ее не припуждаютъ, съ сердцемъ возразила княгиня.

Вскорѣ явилась Викторія и увела подругу къ себѣ.

— Безумная! что ты дѣлаешь, вскричала Юлія:— для чего выходишь ты за этого толстяка.

— Прошу тебя, хоть изъ любви ко мнѣ, выбирать выраженія получше относительно моего жениха, — онъ прекрасный человекъ, я уважаю его.

— Викторія, для чего ты слушаешь княгиню? не лучше ли выдти за любимаго человека?

— Я и выхожу за того, кого искренно уважаю, повторяю тебѣ.

— Уважаешь, но не любишь.

— Что такое любовь? это все химеры! вѣдь ты вышла же за Антопа Ивановича не по страсти, а теперь привыкла и счастлива, и я такъ же привыкну.

— Правда, я вышла не по страсти, но мнѣ нельзя было выбирать, за меня не сватался любимый человекъ, да и сама я не была влюблена.

— Я тоже не влюблена, сказала Викторія, подавивъ вздохъ.

— А графъ?

— Я не люблю его болѣе! и она отвернувшись къ окну, чтобы скрыть слезы, готовая брызнуть.

— Не вѣрю, не вѣрю, моя Викторія! о, для чего, когда счастье такъ возможно, ты сама отталкиваешь его?

— Не понимаю, о какомъ счастьи говоришь ты; развѣ не о томъ ли, что графъ сдѣлалъ предложеніе Адели? прибавила она съ ироніей.

— Бѣдняжка! такъ вотъ гдѣ разгадка: онъ обманули тебя, клянусь, обманули; графъ пріѣзжалъ ко мнѣ утромъ въ день твоей помолвки и просилъ руки твоей, я хотѣла ѣхать къ вамъ на другой же день, но вечеромъ онъ заѣхалъ къ намъ и сказалъ, что уже поздно, — ты была невѣстою князя.

Викторія, поблѣднѣвъ, едва удержалась на ногахъ.

— Такъ онъ обманули меня, вскричала она въ отчаяніи: Боже мой, Боже мой! что сдѣлала я имъ, что онъ такъ безжалостно разбили бѣдное сердце, уничтожили лучшую мечту мою! Но теперь уже поздно: завтра свадьба; — не благородно было бы взять назадъ данное слово; что дѣлать? постараюсь забыть его. Я не люблю его болѣе, я люблю моего жениха; посмотри, я не плачу, — и весело и истерически хохотала бѣдняжка.

Напрасно Юлія Сергѣевна уговаривала ее отказать

Неволину: такъ суждено, твердила Викторія, я дала слово и сдержу его.

Насталъ день свадьбы. Съ разными чувствами проснулись лица нашего разсказа. Княгиня вздохнула свободно—у ея Адельнки не будетъ уже соперницы, да и Викторія будетъ счастлива, думала она, какой же еще партіи? онъ князь, богатъ и любитъ ее,—чего лучше для бѣдной дѣвушки? а забыла она, что у бѣдной дѣвушки тоже есть сердце. «Я исполнила волю умершей, разсуждала про себя княгиня, дочь ея устроена прилично».

Адель тоже радостно улыбнулась при пробужденіи: дни горя для нея прошли, графъ снова полюбитъ ее одну и скоро, можетъ быть, будетъ ея мужемъ. Викторія еще дитя, думала она, ее будутъ занимать наряды, подарки, выѣзды, и особенно своя воля—чего же ей еще!

Князь Неволинъ, открывъ глаза, взялъ со стола маленькій медальонъ—это былъ портретъ Викторіи. Самыми нѣжными ласками, самыми горячими поцѣлуями осыпалъ онъ портретъ, и какими именами не называлъ онъ свою невѣсту! Сегодня ты будешь моею, моя крошечка, говорилъ онъ, о! съ какимъ восторгомъ буду исполнять я твои приказанія: ты сиротка, я замѣню тебѣ всѣхъ—только полюби меня!

Окольскій проснулся въ чрезвычайно дурномъ расположеніи духа: напрасно старался онъ не думать о Викторіи — образъ ея являлся и теперь. Боже мой! говорилъ онъ, на кого ты промѣняла меня? ты позабыла первое признаніе, невольно вырвавшееся у тебя въ маскарадѣ,—или любовь твоя была только маскарадная интрига! прибавилъ онъ злобно. Но не можетъ быть, чтобы ты, дитя, начинающее жить, могла любить эту развалину — ужь не изъ расчета ли выйдешь ты за него? Но вѣдь и у меня довольно денегъ, продолжалъ графъ, для чего не сказала ты мнѣ, что хочешь богатства: я бы досталъ еще столько же, я бы построилъ тебѣ золотой дворецъ, окружилъ бы тебя роскошью и у ногъ твоихъ, какъ рабъ, сталъ бы ожидать твоихъ приказаній—и въ награду за все просилъ бы любви твоей! Но ты оттолкнула меня, теперь я тебя ненавижу! И онъ старался заняться чѣмъ нибудь,—но милый образъ снова являлся передъ нимъ. Бѣдный графъ! много выстрадалъ ты въ это время.

А Викторія! каково было ея пробужденіе?—но бѣдняжка не засыпала всю ночь,—она промолилась и проплакала. Поутру, взглянувъ въ зеркало, она удивилась мертвой блѣдности своего лица—но оно было спокойно. Хотя сердце разрывалось отъ страданій, хотя слезы душили ее, но ни одна не скатилась съ длинной рѣсницы, ни одинъ вздохъ не измѣнилъ ей. Только, взглянувъ попристальнѣе, замѣтили бы вы, что

улыбка ея была неестественна, а смѣхъ походилъ скорѣе на плачъ больнаго сердца.

Часовъ въ 12 пріѣхалъ женихъ и объявилъ, что его шаферъ сдѣлался боленъ и онъ не знаетъ теперь, что дѣлать.

— Попросите графа Окольскаго, сказала княжна; ей хотѣлось, чтобы распорядителемъ на свадьбѣ подруги былъ ея милый Александръ, она такъ разсчитывала на его *savoir-vivre*.

Князь съ радостію ухватился за эту мысль. Просили Викторію, какъ невѣсту, написать объ этомъ графу. Задрожала рука бѣдной дѣвушки, когда въ первый разъ стала она писать тому, кого такъ давно и такъ много любила. И каково же было ей просить его быть шаферомъ на ея свадьбѣ?

Окольскій согласился для того только, чтобы Викторія не подумала, будто онъ все еще ее любитъ.

Въ 6-ть часовъ начали одѣвать невѣсту къ вѣнцу. Какъ хороша была она въ бѣломъ газовомъ платьѣ, какъ бы вся въ облакѣ; широкій, длинный вуаль покрывалъ почти все платье—ни одной браслеты на рукахъ—ни одного брильянта. Только бѣлые цвѣты украшали ея голову. Пріѣхалъ шаферъ за невѣстою. Замерло сердце бѣдняжки, оно готово было вылиться въ слезахъ, когда Окольскій ловко и развязно подалъ ей букетъ отъ жениха.

Всѣ встали, въ комнатѣ царствовало глубокое молчаніе. Княгиня и Антонъ Ивановичъ благословили невѣсту къ вѣнцу. Настала минута прощанія. Молодые дѣвицы одна за другой подходили къ Викторіи. Она не плакала — сердце ея какъ-то болѣзненно замерло, глаза были сухи, но горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Первая подошла Адель. Крѣпко обняла она невѣсту, и высказала ей свои желанія. Богъ да проститъ тебя, прощентала ей та, я знаю все: дай Богъ, чтобы онъ любилъ тебя, будь счастлива.

— Княжна не выдержала, рыданія заглушили ея отвѣтъ, совѣсть громко заговорила, и почти безъ чувствъ упала она на руки матери. Послѣ всѣхъ подошла Юлія Сергѣевна, — крѣпко обнялись подруги и тутъ только явились слезы у невѣсты, она рыдала на плечѣ у Вольской; но вдругъ, какъ бы боясь лишиться твердости, она молча подала руку шаферу. Окольскій почувствовалъ кусокъ льда въ рукѣ своей,—тяжело сжималось его сердце, но когда взглянулъ онъ на гордое, спокойное лицо Викторіи, ему было такъ досадно, что онъ молча отвернулся и повелъ ее въ карету.

Викторія была вѣрна принятой роли во все продолженіе обряда — она была спокойна. Съ какой грустью смотрѣлъ на нее графъ, какъ страшно заболѣло у него сердце, когда на невѣсту надѣли брачный вѣнецъ.

Но вотъ уже все кончено. Всѣ съ участіемъ стали

поздравлять молодыхъ, Окольскій тоже подошелъ пожелать счастья Викторіи—онъ не выдержалъ: страстно сжалъ ея ручку и посмотрѣлъ на нее такимъ страдальческимъ взглядомъ,—молодая княгиня грустно улыбнулась въ отвѣтъ на его пожеланіе и одна только слезинка блеснула на очахъ ея.

Балъ былъ великолѣпный. Молодая много танцевала и старалась быть веселой, но часто въ смѣхъ ея слышались фальшивыя ноты. Окольскій танцевалъ съ ней только одну кадрили, въ продолженіе которой они вели веселый, оживленный разговоръ; и ни тотъ, ни другая не высказали ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ того, что глубоко занало на сердце. Князь Неволинъ былъ необыкновенно внимателенъ къ женѣ.

Молодые пріѣхали съ визитомъ къ Полѣвскимъ. Викторія нарядная, но грустная, мало говорила! Черезъ нѣсколько минутъ явился Окольскій въ статскомъ фракѣ. Онъ былъ страшно блѣденъ. Онъ объявилъ княгинѣ, что пріѣхалъ проститься. Адель слабо вскрикнула: присутствіе духа оставило ее, она не помнила, что дѣлаетъ.

— Можно ли быть такой трусихой, сказала Викторія, — пролетѣла большая муха, а ты уже и испугалась! такъ старалась она скрыть причину испуга княжны, а между тѣмъ у самой болѣзненно сжалось сердце.

— Какія же мухи въ январѣ мѣсяцѣ? помилуйте, княжна—это вамъ показалось, говорилъ князь, не замѣчая умоляющихъ взглядовъ жены. Между тѣмъ Адель успѣла уже оправиться.

— Куда же вы ѣдете? спросила княгиня, у которой тоже не легко было на сердцѣ въ эту минуту.

— Матушка давно звала меня къ себѣ въ Одессу, я ждалъ только отставки.

— И на долго? спросила княжна и голосъ ея слегка дрожалъ.

— Можетъ быть лѣтъ черезъ десять вернусь опять въ эту неспособную Москву. Холодно простился онъ съ княгиней и съ Аделью, — бѣдняжка чуть устояла на ногахъ.

— Подходя къ князю, онъ сказалъ: съ вами я не прощаюсь еще, — вы позволите мнѣ быть у васъ съ прощальнымъ визитомъ.

Князь рассыпался въ комплиментахъ.

По отъѣздѣ Окольскаго княжна увела молодую въ свою комнату,—тамъ бросилась она на колѣни передъ Викторіей.—Прости, прости меня, говорила она, рыдая, я погубила тебя!

— Теперь уже поздно, отвѣчала та, поднимая Адель и обнимая ее, Богъ съ тобою, я давно уже простила тебѣ; но грустно мнѣ за тебя, бѣдняжка, вѣдь ты тоже любишь его?

И долго плакали вмѣстѣ соперницы и съ этой ми-

нуты тѣсная дружба снова возникла между ними. Вскорѣ пришла туда и княгиня;—горько плакала она и просила прощенія у Викторіи.

— Не будемъ вспоминать объ этомъ, говорила Неволинна, судьбы не перемѣнишь, постараемся лучше быть по возможности счастливыми.

На другой день Окольскій, совсѣмъ одѣтый въ дорожку, на почтовой тройкѣ, пріѣхалъ къ Неволиннымъ. Визитъ его былъ непродолжителенъ. Разговоръ не клеился. Настала послѣдняя минута. Окольскій началъ прощаться. Онъ подошелъ къ рукѣ княгини и съ жаромъ поцѣловалъ эту маленькую, холодную, какъ ледъ, ручку—горячая слеза скатилась на нее изъ глазъ графа. Простившись съ княземъ, онъ быстро вышелъ и сѣлъ въ экипажъ. Княгиня подошла къ окну. Она прижалась къ холодному стеклу, пылающимъ лицомъ своимъ. Тройка давно уже скрылась изъ виду, а она все еще съ жадностью смотрѣла въ даль. Что это ты призадумалась, моя крошечка? сказалъ ей мужъ, цѣлуя ее въ щеку, ужъ не скучаешь ли? скажи мнѣ, чего тебѣ хочется? я готовъ исполнить твои приказанія.

Слегка вздрогнула княгиня, тяжело было ей; но взглянувъ на князя, она пожалѣла его, и, какъ бы вышедъ изъ какого-то забытья, снова плотно надвинула маску, готовую упасть. Весело улыбнулась она мужу и подошла къ фортепиано. Долго пѣла княгиня и голосъ ея грустнымъ эхомъ разносился по золоченымъ комнатамъ.

Лидія Долинская.

АНЕКДОТЪ.

Жена одного банкира, известнаго всему Парижу своимъ богатствомъ, сидѣла однажды въ театрѣ, гдѣ представляли очень смѣшной водевилъ, который необыкновенно занималъ ее. Авторъ этого водевиля, очень даровитый, но бѣдный молодой человекъ, написалъ на другой день къ банкиру записку слѣдующаго содержанія: «Милостивый Государь! супруга ваша видѣла вчера въ театрѣ представленіе моего водевиля; онъ смѣшилъ ее болѣе, чѣмъ на 30 франковъ, заключенныхъ за ложу, и могу васъ увѣрить, что онъ занялъ ее покрайней мѣрѣ на 3000 франковъ. Такъ какъ мнѣ необходимо нужна эта сумма для поправленія моихъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, то я и прошу васъ ссудить меня ею. Вы вообще такъ счастливы въ дѣлахъ своихъ, что я почти не сомнѣваюсь, что возврату вамъ ее съ благодарностію.» И банкиръ исполнилъ эту оригинальную просьбу.

(Рис. И. Ф. Шестакова.)

ОШИБКА ВЪ РАЗСЧЕТЪ.

Сынъ. Что скажете, батюшка: дѣло-то, бывшее у васъ въ производствѣ 20 лѣтъ, я въ два мѣсяца распуталъ, да еще благодарность получилъ.

Отецъ. Сафьянникова-то? ахъ дуракъ ты, дуракъ этакой? Я этимъ дѣломъ 20 лѣтъ кормился, да тебя, болвана, выростилъ, — а ты въ два мѣсяца покончилъ!.. Нечего сказать — есть чѣмъ хвастаться!

ЗАБОТЛИВЫЙ СУПРУГЪ.

Мужъ. Ты опять не надѣла чистой кофты?

Жена. Зачѣмъ же? вѣдь нынче не воскресенье.

Мужъ. Въ томъ-то и дѣло, сударыня, что не воскресенье, а четвергъ. Забыла, кто будетъ?

Жена. Ахъ, да! твой начальникъ.... тебѣ, что напомнилъ.

Мужъ. То-то! Захотѣла опять получить замѣчаніе.... Смотри, не забудь намекнуть ему насчетъ крестика....

(Рис. К. И. Исакова.)

ЧИСТОТА.

— Поднимите-ка бумажку: сейчасъ Его Превосходительство придетъ, а вѣдь вы знаете, какъ онъ за этимъ наблюдаетъ. У него — чтобъ не пылинки нигдѣ....

ЛУЧШАЯ ПРОТЕКЦІЯ.

— Такъ ты надѣешься получить мѣсто?

— Надѣюсь, — я привезъ много рекомендательныхъ писемъ.

— Ну, на этомъ далеко не уѣдешь; рекомендательныя письма теперь не въ модѣ; а вотъ серіи такъ въ большомъ ходу....

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА

«Развлечения».

Бенефисъ г. Вальца. — О проэктъ публичнаго увеселительнаго сада.—Москва и Аѳины.—Наши Аѳиняне.—По поводу перемовки «Русской Газеты» и «Журнала Земледѣльцевъ». — «Голосъ изъ провинціи» о происшествіи небываломъ, и размышленія фельетониста по этому случаю. — Почему нѣтъ обѣщанной исторіи Юліи Петровны?—Предостереженіе.—Дешевый гастрономическій обѣдъ.

«Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца вращается» оставимъ—кому будетъ приказано—описывать, какъ былъ городъ иллюминированъ въ такой-то и такой-то высокаторжественный день; «наше солнце вокругъ насъ. . . .» вповать, вторую фразу знаменитаго проповѣдника, непрощенная подвернула память; я хотѣлъ сказать: помянемъ, во первыхъ, бенефисъ г. Вальца въ Эльдорадо.

Описывать этотъ бенефисъ опять-таки невозможно, какъ и бенефисъ г. Брауна, о которомъ была у насъ рѣчь въ прошедшей хроникѣ, или нужно бы владѣть элоквенціею Тредьяковскаго, а не то способностію Ломоносова вдохновляться пиротехническими явленіями. Что же касается до меня, я описывать не въ силахъ: у меня до сей минуты трещить въ ухахъ отъ монстра-фейерверка, а по милости иллюминаціи я пишу въ зеленыхъ консервахъ. Ежели иллюминація у г. Брауна была великолѣпна, у г. Вальца она вышла ослѣпительна. . . . Была одна минута, когда луна, настоящая луна, та, которую вышеприведенные астрономы называютъ драбантомъ земли,—вздумала изъ-за деревьевъ взглянуть на освѣщеніе Эльдорадо. И что же? Я самъ видѣлъ, какъ луна сконфузилась и скрылась: очевидно, ей тутъ дѣлать было нечего, и она благоразумно отправилась спать, или освѣщать кварталы, не освѣщенные г-мъ Вальцемъ, и гдѣ, я увѣренъ, всѣ, въ ожиданіи газа, были очень ей рады. Что пѣли Цыгане, что играла музыка, что дѣлали Тирольцы,—я ужъ рѣшительно не знаю: справьтесь, покорнѣйше прошу, съ афишей. Но я знаю, что съ меня взяли за полцыпленка 50 к. сер., что слуга принесъ мнѣ хлѣбъ къ нему въ рукахъ, а соли подать отказался. Правда, я заплатилъ такую бенефисную цѣпу не даромъ: слишкомъ часъ долженъ я былъ ждать цыпленка. За то, когда я, наконецъ, увидѣлъ его передъ собою, столько желаннаго, —

«Мнѣ въ душу радость пролилась,
Живительной росой;
И слезы брызнули изъ глазъ
Обильною струей!»

Такъ оправдалось обѣщаніе бенефицианта, доставить почетнѣйшей публикѣ зрѣлище, не уступающее однороднымъ въ Европѣ. И г. Вальцъ, весьма натурально, былъ вызванъ и осыпанъ рукоплесканіями.

Надо вамъ сказать, мой достойный читатель, что я давно посвящаю мои досуги сочиненію проэкта публичнаго сада, и въ одной изъ будущихъ хроникъ намѣренъ представить этотъ проэктъ на ваше разсмотрѣніе. Можетъ быть, онъ понравится вамъ, можетъ быть, найдется антрепренѣръ, который приметъ его къ свѣдѣнію, а тогда и до исполненія останется одинъ шагъ. Но увидимъ.

Жары, слава Богу, кончились, дышется свободнѣе. И хотѣя, покуда, дождикъ все еще только дразнить Москву, однакожь, пыли гораздо меньше, нежели было до сихъ поръ. Давно пора, право. А то Москва черезъ-чуръ становилась похожа на Аѳины, столицу европейской пыли. Но какъ не избрать пыли свою резиденцію въ Аѳинахъ? Аѳины proverbе en action печальной истины, что все на свѣтъ прахъ и пыль. . . . Нашему же городу еще рано раскрывать старинную истину. Ему жить да жить. И, по моему грѣшному разумѣнію, много жизненныхъ задатковъ таится въ немъ; многое еще опредѣлено осуществить ему прежде, нежели онъ отбудетъ всю свою историческую судьбу. Строить и создавать, покуда, обязанъ онъ, и до превращенія въ ученый курьозъ, въ гекатомбу, въ надгробіе своего прошлаго. Москвъ, право, еще далеко, какъ далеко до того и всему нашему отечеству. Кому и жить, кому и цвѣсти, какъ не Россіи? Лишь бы не мѣшали и не мѣшались въ ея дѣла тѣ, которые сами ужъ отжили, и которымъ перспектива чего либо новаго кружить ослабѣвшія головы, а подъ-часъ поднимаетъ желчь. Бѣда, вѣдь, съ подобными индивидуумами! Все, чего уже не обнимаетъ полувисохшій мозгъ, чего не перевариваетъ утомившійся варить желудокъ, то по ихъ приговору преступленіе. Я часто встрѣчаю такихъ господъ: охотно бы паложили они штрафъ на каждый стаканъ вина, который выпить не ими и котораго они не въ состояніи выпить, а за каждую свѣжую мысль готовы были бы сослать человека въ Сибирь. . . на устьѣ Амура. Отправиться бы имъ гуртомъ въ Аѳины: это бы всего лучше. Заживо умершихъ, заживо тамъ засыпала бы ихъ пыль. . . .

Съ другой стороны мнѣ чрезвычайно не хотѣлось бы, чтобы наша добрая Москва становилась похожа на городъ столько же сѣверный, сколько Аѳины—южный. Такое размышленіе возбуждаетъ во мнѣ очень недавняя перемовка «Журнала Землевладѣльцевъ» и «Русской Газеты». Не мое дѣло судить, кто вповать, хотя мнѣ кажется, правѣе «Журналъ Землевладѣльцевъ»; но непріятно видѣть, что московская журналистика, которая до сихъ поръ держала себя прилично, вздумала вдругъ сбиться на пошибъ «Санкт-Петербургскихъ Вѣдомостей» и еще политико-литературной газеты, которую въ наше прекрасное время пристойнѣе не называть по имени. Я не литераторъ, не журналистъ и весьма не свѣдущъ въ тайнахъ журнальнаго дѣла, но смѣю думать, что между журналистомъ и журнальной индустріею такое же разстояніе, какъ между дѣльною лекціею технологіи и тѣми проспектусами, въ которые бываетъ завернуто мыло, продаваемое въ иностранныхъ магазинахъ. Гг. московскіе журналисты! не предоставятъ ли другимъ, немосковскимъ журналамъ, воевать между собою, совершать другъ на друга осенніе походы, ловить взаимно обечатки и вообще отправлять всѣ тѣ остроумныя

эволюции, которыми так прославились и желтый журнал, и голубой журнал, и поименованные две газеты? Пусть интерес скандала мгновенно и поощряет потребление,—средство это обратить на себя внимание, темъ не менее, остается неприличнымъ, а въ будущемъ отнюдь не упрочиваетъ кредита изданія, кредита литературы. Меня, по простотѣ моей, никто не убѣдитъ въ противномъ. На улицѣ бранятся двѣ бабы, много народу останется посмотреть и послушать, но пожелаетъ ли кто-нибудь вступить въ знакомство съ ними? Въ клубъ, въ общество, сѣялись два господина, и здѣсь любопытство собираетъ толпу, но почувствуется ли симпатія къ этимъ господамъ? изъяснить ли кто-либо желаніе пригласить ихъ къ себѣ на вечеръ?... Что бы ни утверждали некоторые, сколько бы ни прекратилось уже русскихъ журналовъ и газетъ, у насъ, покуда, тѣхъ и другихъ еще такъ мало, что они не могутъ мшшать другъ другу. Повѣрьте, есть мѣсто подъ луной и для толстыхъ журналовъ, и для скромнаго «Развлеченія»...

Благо мы коснулись журналовъ: я не могу не спросить васъ, замѣтили ли вы въ № 195 «Московскихъ Вѣдомостей» статейку, подписанную словомъ «Помѣщикъ» и имѣющую заглавіемъ «Голосъ изъ провинціи?» Въ ней повѣтствуется о событіи чрезвычайно курьёзномъ.

Нѣкто въ одномъ изъ южныхъ городовъ русскихъ (я бы могъ сказать вамъ въ какомъ, но, говорятъ, я не имѣю на то права), написалъ повѣсть, въ которой выведены, остроумно и вѣрно, городскія лица, и въ томъ числѣ значительнѣйшія. Разумѣется, маски не названы, но разумѣется также, что маски узнали себя. Въ Европѣ это случается каждый Божій день. Пальмерстонъ за своимъ кофеемъ читаетъ памфлетъ на себя въ «Punch» и очень доволенъ приправой; то же дѣлалъ и въ Парижѣ—городкѣ послѣдній изъ французскихъ королей; да это что еще? добрый Луи-Филиппъ не только не негодовалъ на насмѣшки, которыя бывали направляемы противъ него: онъ даже не отмахивался отъ настоящихъ нелитературныхъ выстрѣловъ. О томъ, какъ принималъ подобныя вещи Великій Фридрихъ, извѣстно каждому съ дѣтства. Иначе поступаютъ, конечно, въ Персіи. Намедни, одинъ шахъ, увидѣвъ на картинкѣ человека не то чтобы похожаго на него, а одѣтаго въ халатъ, похожій на его халатъ, приказалъ посадить на пять лѣтъ въ тюрьму автора картинки.

Но несчастію, въ тотъ русскій городъ, откуда *Помѣщикъ*, пишетъ въ «Московскія Вѣдомости» вѣсти скорѣе доходятъ съ востока, нежели съ запада, хотя доскопально извѣстно, что покрой фраковъ и кринолиновъ употребляется тамъ совершенно современный парижскому. И вотъ, узнавъ себя въ повѣсти, написанной однимъ изъ обывателей города, партизаны персидскаго міросозерцанія пришли въ ярость неопи- санную. Судиться съ авторомъ не быдо возможности: имена почитавшихъ себя оскорбленными не были названы, стало быть, юридически нечего было и предпринимать. Оставалось, по православно-бюрократическому выраженію, донечь автора разными, бюрократическими же, пытками. Новая невозможность: авторъ не служитъ. Что же изобрѣли обитатели южнаго города? Выключить изъ клуба—какъ бы вы

думали: кого? человека, который, по ихъ соображеніямъ, сообщалъ автору повѣсти данныя о лицахъ, послужившія ей содержаніемъ!! И вѣдь выключили, забалотировали, по словамъ *Помѣщика*, человека заслуживающаго безусловнаго уваженія? Каково? увѣренъ, что если слухъ объ этомъ происшествіи дойдетъ до иностранныхъ ученыхъ обществъ, не одна экспедиція будетъ наряжена для изученія мѣстности, гдѣ могъ явиться столь знаменательный нравственный феноменъ. Воля ваша, предметъ изслѣдованія не менѣе интересенъ, нежели опредѣленіе истока голубаго Пила, или вопросъ о томъ, кѣмъ выдуманъ порохъ: Европейцами ли, которые употребляютъ его во зло, или Китайцами, которые его боятся.

Помѣщикъ сообщаетъ, что г. Б., выключенный изъ клуба, принесъ жалобу министру внутреннихъ дѣлъ и въ 1-й департаментъ сената. О послѣдующемъ, какъ только узнаю, не премину довести до свѣдѣнія читателей «Развлеченія».

Въ прошлый разъ я обещалъ подробную и поучительную исторію нѣкоей Юліи Петровны. Сейчасъ узналъ я, что эту исторію пишетъ одинъ изъ сотрудниковъ «Развлеченія», несравненно болѣе меня искушенный и въ литературномъ дѣлѣ, и въ житейскомъ, и въ наблюденіяхъ надъ кавалерами и дамами сомнительнаго существованія и занимающимися промыслами, не значущимися въ цеховыхъ регистрахъ. Литераторъ, о которомъ идетъ рѣчь, говорятъ, имѣетъ драгоценныя запасы матеріаловъ для сказанной біографіи. Передъ такими данными бѣдному фельетонисту какъ не сложить оружія? Я съ нетерпѣніемъ ожидаю исторіи Юліи Петровны.

Позвольте мнѣ окончить на нынѣшній разъ однимъ предостереженіемъ.

Мы часто укоряемъ иностранныя общества въ средствахъ, какія изобрѣтаются за границей разными торговцами и промышленниками для сбыта товара, нерѣдко негоднаго. Цѣтъ сомнѣнія, что много шарлатанства въ ходу по Европѣ и въ въ торговлѣ, и въ промышленности. Но хорошія штучки проносятся и у насъ, и объ одной изъ нихъ мнѣ хочется сказать сегодня.

Вы безпрестанно читаете въ «Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи» о продажѣ лошадей. Продаются лошади: по ненадобности,—за отъѣздомъ,—приведены лошади изъ Тамбова,—приведены лошади съ извѣстныхъ заводовъ,—мѣняются лошади на что угодно, и т. д. Берегитесь, читатель, будьте трижды осторожны. Вотъ почему. Въ последнее время Цыгане и мелкіе барышники, окончательнo потерявшіе довѣріе ото всѣхъ и обѣгаемые всеми, какъ бы чумные, выдумали новый фортель: стали нанимать дворы и конюшни въ разныхъ частяхъ города, и публиковать о продажѣ лошадей. На эту штуку попадались и еще попадаютъ многіе. Незнающій толка въ лошадахъ бонтея одного слова «Цыганъ» или «барышникъ». Ни у того, ни у другаго онъ не хочетъ и смотреть лошади. Но, воображая, что лошади не цыганская, не барышничья, что онъ покупаетъ ее по случаю, онъ покупаетъ смѣло... Есть между прочимъ въ Москвѣ изъ числа барышниковъ одинъ профессоръ по этой части: онъ мѣняетъ и дворы, и выраженія, которыми заманиваетъ къ покупкѣ; двухъ одинакихъ объявленій онъ не сдѣлалъ ни разу. То у него лошади изъ Лебедяни, то про-

даются за отъездомъ, то по случаю, каждый разъ другая фраза. Пріѣзжаете вы къ нему: лошадь стоитъ въ хомутъ, нечищенная, тутъ же и тельги. «Вотъ, говоритъ, сейчасъ пришелъ обозъ». Ну какъ не купить лошади, которая только что сдѣлала нѣсколько сотъ верстъ? Значитъ, лошадь сносная. А купите-ка ее! И тысячу такихъ уловокъ, въ сущности самыхъ грубыхъ и пустыхъ, употребляетъ онъ и ему подобные, чтобы сбыть лошадь куда негодную. Но потому-то и удаются онъ, что онъ глупы, и никому сразу не предположить, чтобы осмѣлился человекъ рѣшиться ловить не ребенка и не безумнаго на такую глупость!

Итакъ, не покупайте лошадей безъ помощи человека знающаго. Ничѣмъ нельзя обмануть такъ легко, какъ лошадью.

Симъ послѣднимъ правоученіемъ предполагалъ я заключить мою хронику, но вошелъ одинъ пріѣзжій изъ Петербурга, и рассказалъ мнѣ неподобный анекдотецъ, который я не въ силахъ не послать моему редактору вмѣстѣ съ прочей моей болтовней.

Вотъ онъ.

Къ Дюссо, т. е. собственно говоря, къ его преемнику, по къ стыду моему, я имени преемника не знаю, входитъ джентльменъ, весьма приличный во всѣхъ паружныхъ отношеніяхъ, и спрашиваетъ самый гастрономическій обѣдъ съ дорогимъ виномъ. Вкусивъ его со всеми приемами тонкаго цѣпителя, не забывъ приправить кофе наилучшей сигарой, джентльменъ приказываетъ подать себѣ пальто и шляпу.

Слуга подаетъ счетъ... съ чѣмъ-то тридцать рублей.

Джентльменъ повторяетъ:

— Пальто и шляпу!

Слуга исчезаетъ и возвращается съ хозяиномъ.

— Милостивый государь, начинаетъ хозяинъ,—вы не изволили заплатить по счету.

— Стоитъ ли говорить о такой бездѣлицѣ? отвѣчалъ джентльменъ.

— Однакожъ...

— Послушайте, я долженъ вамъ отдать справедливость: обѣдъ вы мнѣ дали прекрасный; вино согрѣто впору; шампанское остужено, какъ слѣдуетъ; кофе не можетъ быть душистѣе у самого султана; но говорить о счетѣ—полноте, не стыдно ли вамъ?

— Я вамъ очень благодаренъ за вашу аттестацію, но прошу отдать мнѣ деньги.

— Вотъ этого-то я и не намѣренъ исполнить.

— Рѣшительно?

— Какъ нельзя рѣшительнѣе.

— Я долженъ буду послать за полицейскимъ чиновникомъ.

— Не повѣрю, чтобы вы рѣшились на это. Завтра же весь городъ узнаетъ, что вы подняли исторію изъ тридцати рублей, чья же пога будетъ у васъ? Подумайте!

Преемникъ Дюссо подумалъ недолго.

— Вы правы, сказалъ онъ,—Богъ съ вами.

— Видите, какъ я вѣрно разсчиталъ.

— Позвольте. Одолженіе за одолженіе. Не смѣю предполагать, чтобы вы были способны еще разъ пообѣдать сегодня. Но завтра... накажите моего vis-à-vis—Борея.

— Съ величайшимъ бы удовольствіемъ, но...

— Но?...

— Но я такимъ же манеромъ обѣдалъ у него вчера, и онъ далъ мнѣ мысль сдѣлать у васъ то, чему вы меня теперь учите въ его пользу.

Рестораторъ пожалъ плечами, джентльменъ удалился, облизываясь, и, я полагаю, посмѣиваясь себѣ въ бороду, какъ говорить Французы.

Не Я.

Частныя объявленія.

1) Продаются обезьяна, попугай и двѣ левретки. Эти животныя принадлежатъ одной дамѣ, которая въ нихъ болѣе не нуждается, потому что выходитъ замужъ.

2) Въ городѣ N. случайно съехались мужъ и жена, которые разъѣзжали по городамъ, показывая свои звѣринцы. Вслѣдствіе этого обстоятельства, мужъ напечаталъ въ газетахъ слѣдующее объявленіе: «Честь имѣю] увѣдомить почтеннѣйшую публику, что я случайно съехался съ моей женой, и чрезъ это мой звѣринецъ значительно увеличился.»

3) У меня на дняхъ украли часы, стоящіе 50 р. сер. Если украшій возвратитъ ихъ мнѣ, то я обязуюсь, безъ всякаго вознагражденія, указать ему мѣсто, гдѣ можно украсть другіе часы, которые стоятъ вдвое дороже.

4) Получена огромная партія перчатокъ для дамъ изъ французской кожи.

5) Кто впредь осмѣлится утопиться въ моемъ пруду, того я представляю въ полицію.

Благодарность.

У меня на лицѣ были постоянно вереда, угри и красная сыпь, что весьма обезобразивало мою наружность. Я въ продолженіе многихъ лѣтъ лѣчился у разныхъ медиковъ, но не получая никакой пользы, обратился наконецъ къ коновалу Лошакову, который въ самое короткое время помогъ мнѣ и лицо мое теперь совершенно очистилось, а потому долгомъ себѣ поставлю изъяснить ему мою совершенную благодарность. Титулярный Совѣтникъ Иванъ Ословъ.

Разгадка Ребуса, помѣщеннаго въ 34-мъ №:

«Вѣрь бородѣ, а порука въ водѣ.»

Редакторъ *Θ. Миллеръ.*